

ДМИТРИЙ
СОН

НЕБЕСНАЯ РОЗИ

16+

Дмитрий Сон
Небесная Роза

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сон Д.

Небесная Роза / Д. Сон — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Летающий корабль класса «охотник» «Небесная Роза» и его команда покинули свой родной оазис, как и планировалось, без каких-либо задержек. Пьяный дебош и мелкие нарушения были частью жизни любого небохода, и у капитана с его офицерами на этот счёт были свои правила и инструкции. Но в ходе небесной охоты случилось нечто такое, на что ни у кого инструкций не нашлось, и простые небоходы захватили власть на корабле. Но куда податься и что делать дальше, когда больше некуда лететь и домой не вернуться? Тут и начинается всё самое интересное и захватывающее для оставшейся команды и для нас.

© Сон Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Небесная Роза

1

– О, Роза. Моя Роза, как мне с тобой хорошо. Без тебя моя жизнь пуста, не имеющее смысла пустое место. Только о тебе все мои мечтания. А дни в твоих объятиях так коротки, – он тяжело вздохнул и с силой прижал молодую и нагую барышню к своей груди так крепко, насколько у него только хватило сил. Девушка в первое мгновение напряглась и хотела освободиться. Но, не сделав по-настоящему достойной попытки, сдалась и обмякла в его объятиях так, как он этого и желал. – А завтра ветер снова унесёт меня от тебя за тысячу миль. За пустыни, за горы, – он замолчал.

Девушка тоже ничего не ответила, и они так и лежали в крепких объятиях, слушая, как за головами сыплется песок.

Он знал, что скоро его время кончится. Песок из верхней чаши песочных часов утечёт в нижнюю, и по стенам, обклеенным розовыми обоями, и мебели из чёрного дерева отразится со всех сторон режущее петушиное пение, и его жизнь снова полетит к чёрту на куличики.

Часть его нутра желала приподняться из объятий его Розы и только одним глазком посмотреть в угол комнаты, где на чёрной тумбочке с пошёрканным верхом стояла ваза, в которую она поставила его букет цветов. Что это были за цветы, он не разбирался, но стоили они дорого. Но чёрт бы его побрал, он мог себе это позволить. Он небоход третьего ранга, и пусть этот сраный веник стоил ему пять дней в небе, но он мог себе это позволить. В конце концов, небоход он или нет.

Вдруг что-то у него за головой щёлкнуло, и в ту же секунду комнату, освещаемую лишь парой ароматных свечей, заполнил петушиний пой.

«Нет, не хочу», – подумал он, а его тело сократилось в мышечных рефлексах, и девушка стала зажата ещё крепче, чем была.

– Как я не хочу с тобой расставаться, – сказал он тихо, с грустью.

– Я тоже, милый. Но первые петухи уже пропели, – обнажённая девушка тяжело вздохнула, слегка приподнялась на локте и запустила свои тонкие пальчики с пёстрыми ноготками в его густые чёрные и слегка вьющиеся волосы. – Хотя бы ещё часик. Мир так жесток.

Её голос, сладкий, нежный, её тонкий, слегка курносый носик почесался о его трёхдневную щетину, и девушка тяжело упала на его грудь и так вздохнула...

– Мне нужно идти. Прости.

– Но твой корабль уходит только завтра? – быстро перебила его красавица.

Завтра, это действительно так, и то только после обеда. Он, несомненно, мог бы ещё остаться. Но как бы этого ему ни хотелось, в его кармане от этих простых желаний монет не добавлялось, а за эти три дня он уже потратил все свои заработанные деньги и даже умудрился влезть в двухмесячные долги. «Нет, я встану и уйду», – твёрдо решил он, и хоть и нехотя, но выбрался из её цепких объятий, и, не оглядываясь, отправился к креслу, на спинке которого висели его единственные приличного вида брюки и рубашка.

– Ты разбиваешь моё сердце! – с упреком в голосе сказала девушка и с обидой повернулась к нему спиной.

Ярко-жёлтый халат, расписанный цветными цветами, по типу тех, что он ей подарил за астрономическую цену, элегантно прикрывал её молодое желанное тело. Но ему нужно было идти. В кармане оставалось всего десять или двенадцать монет, и то половина из них ему не принадлежала. Ещё нужно было зайти в аптеку и купить зелёную настойку для Сани.

– Вино! Милый, у нас ещё осталось вино! – она резво вскочила с широкой трёхспальной кровати с искомканными одеялами и простынями, и, подбежав к маленькому прикроватному

столику с большим зеркалом, разлила остатки оранжевого наркотического вина по кручёным спиралью бокалам, и, подпрыгнув к нему вплотную, всунула бокал в его руки.

– А как же петухи? Мне нужно идти, – слабо возразил он молодой особе, увлекаемый к большой широкой кровати.

От первого глотка наркотического вина закружилось в голове, и её сладкие чувственные губы уже снова подбирали пролитые им капельки вина с груди. Глаза в дурном блаженстве закрылись, и мужчина, не в силах сопротивляться более, бессильно упал спиной на кровать, таща молодую особу за собой.

– Подожди, – сказала она, резво перевернув песочные часы, стоявшие на столике рядом с непонятым букетом цветов, скинула с себя лёгкий халатик и тут же нырнула в его объятия.

Через час всё повторилось вновь. Петухи пропели, а за ними пришли боль, горечь и тяжесть расставания. Правда, на этот раз девушка, зная всё печальное финансовое состояние своего партнёра, очень спешно ускорила его тяжёлые проводы.

– Роза, я буду безумно по тебе скучать, – стоя уже в дверях, с комком в горле проговорил мужчина, наблюдая, как красивая девушка ловкими движениями превращает скомканную постель снова в аккуратно собранную.

Роза не обмолвилась ни словом. Наверное, за шелестом шёлковых простыней попросту его не услышала. Хотя, если честно признаться, Яану было очень обидно. Так хотелось услышать от неё, что и она по нему будет скучать и ждать того дня, когда он снова к ней придёт. Поцелуя на прощанье. Ведь никогда нельзя знать, когда они встретятся вновь. Может быть, через три недели, как в этот раз, или через несколько месяцев. Так что, засыпая, ему хотелось бы вспоминать её тёплые слова на прощанье или жаркий поцелуй...

– Мужчина, – чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо, – не задерживайте очередь.

– Что, простите? – сбивчиво переспросил Яан, пытаясь вернуться от своих тяжёлых мыслей к куда более тяжёлой реальности.

Перед ним стояла женщина под два метра ростом и в плечах шире его самого раза в два. По её лицу можно было судить, что она никогда в своей жизни не улыбалась. Она стояла и смотрела на него с нескрываемым презрением. Как та женщина, которая за свою жизнь насмотрелась на все виды мужской мерзости в таких объёмах, что трудно себе и вообразить. Вдруг пренебрежительно мускул над её верхней губой дёрнулся. Скорее непроизвольно, чем осознанно, и она ещё раз доходчиво донесла стоявшему напротив неё мужчине свою мысль:

– Это не твоя жена. Плати и хоть живи с ней или убирайся восвояси.

Яану ни ответить, ни заплатить было больше нечем. Он грустно опустил голову и пошёл прочь. Он только хотел, чтобы она с ним попрощалась. Кроме неё ему больше никто не нужен. Он ей говорил это тысячу раз, и она ему тоже. Эти чёртовы песочные часы и проклятые петухи. Как могут эти адские штуки так менять её настроение и отношение к нему? Видимо, она переживает ещё сильнее, чем он. Другого объяснения просто нет.

На улице было светло, как днём. Но какое сейчас по правде время суток, было сказать затруднительно. Так как в это время года здесь всегда было светло, «как днём». Не круглые сутки, конечно, часа на два темнело, и снова на улицах рассветало. Но, скорее всего, сейчас была ночь, по крайней мере, так рассудил Яан из-за отсутствия толп людей, слоняющихся без дела взад и вперёд по узким каменным городским улочкам.

«Нужно возвращаться на “Роза”», – от этой мысли в его животе словно провернулся змей, и ему стало не по себе. Всё-таки, как бы там ни было, а на свою Роза он хоть и чуть-чуть, но обиделся. И всё думал:

«Почему она никогда меня не провожает? Встречает всегда с такой улыбкой, такой... и такими объятиями. А когда приходит время расставания, она каждый раз показывает мне только спину, застилая постель, или смотрится в зеркало. Наверно, чтобы я не видел её слёз.

Да, да, иначе быть не может, она знает, как мне тяжело без неё. Как я по ней скучаю. Она просто не хочет, чтобы я страдал ещё сильнее, чем я страдаю. О, моя Роза. Ты так добра ко мне».

И Ян с вернувшейся улыбкой на лице шатко побрёл из белого дома с алыми колоннами вниз. «Алый дом» располагался на одной из гор города, откуда были видны половина его улочек с его прекрасной старинной архитектурой, белыми домами и чёрными военными башнями, а также бескрайние песчаные пустыни, что брали своё начало сразу за непреодолимыми десятиметровыми мощными городскими стенами.

Возвращаться было всегда тяжело. Хоть знаменитый на весь город «Алый дом» и стоял на возвышенности, но обратная дорога была всегда тяжелее. И дело было, скорее, не в количестве выпитого наркотического вина, а в сердце. Сердце Яна после посещения его Розы всегда было тяжёлым и разбитым. Если бы он только мог провести с ней хотя бы ещё один часик...

Настроение у него совсем пропало, и остаток пути он шёл совсем смурной. Одинокий и всеми забытый.

«Интересно, моя Роза сейчас тоже по мне скучает?»

Ян вдруг вскинул к носу свои руки и глубоко сделал вдох через нос, жадно всасывая аромат мёда, липы и каких-то цветов. Это был её аромат, и он всё ещё пах ею, как вторая половинка одного целого.

Глаза Яна от вдыхаемого удовольствия сами собой закрылись, и, временно оставшись в темноте, его нога случайно зацепилась за край неровной каменной дороги, и он, споткнувшись, угодил прямо в городские мусорные баки. Теперь сладкий запах Розы сменился на всевозможные запахи разложения и человеческого быта. А вместе с тем к нему вернулась и сама реальность.

Весь аванс он снова потратил, впереди его ждут долгие месяцы непосильного труда, а монет на покупку того, что хоть как-то скрасило бы его дни, не осталось.

Ян, тяжело вздохнув, опёрся о зашарканную стену чьего-то дома. По крайней мере, теперь он точно знал, что была ночь на дворе, так как на узкие улочки вдруг налетела самая настоящая ночь. К счастью, на втором этаже в окне горела свеча и своим тусклым светом осветила немного дом напротив и узкий проход под собой, где всё ещё стоял Ян и боролся с рвотными позывами.

Содержимое желудка и через минуту всё ещё осталось при нём. Нарковину было всё-таки дорогое. Когда теперь он ещё выпьет такое? Это было только их вино, только вдвоём с его Розой они могли насладиться его дивным вкусом и приятными эффектами, которые оно несло за собой. А без неё можно было напиться и собачьей бормотухой за ломаную монету. Какая разница? Всё достало, нужно напиться!

Под тусклым жёлтым светом, стоя всё на том же месте, шатаясь, Ян

по-прежнему одной рукой упирался в дом, а другой стал проверять содержимое своих карманов.

– Хоо, живём, братцы! – воскликнул Ян. – Целых семь монет, а нет, даже восемь.

В ту же секунду окошко на втором этаже, под которым стоял Ян, настезь распахнулось, и из него по пояс вылезла какая-то женщина и без каких-либо прелюдий стала на него орать:

– А ну давай пошёл вон отсюда, тварь подзаборная! И только попробуй здесь поссать, я тебе тут же яйца на жопу натяну. Алкашня вонючая!

Ян не стал с ней спорить и, не дай бог, пререкаться, хотя помочиться под её окнами у него даже и в мыслях не было. Даже обидно ему стало. Вот так, из-за чьего-то бескультурья взяли и его тоже очернили, подвели под одну гребёнку.

– И ещё раз тебя, вшивого, здесь увижу, клянусь, ты об этом пожалеешь, и своим бомзам тоже передай, что...

Яан вздохнул с облегчением, когда наконец завернул за угол и вопли мерзкой бабы потухли среди бесчисленных стен, крыш и окон, смотревших друг на друга из домов напротив.

«Какая мерзкая баба, – подумал Яан. – Вот же жена кому-то достанется. Бедный муж. Не то что моя Роза. Такая ласковая, она будет замечательной женой».

Больше по дороге к торговке спиртным Яан никого не встретил, только чёрного кота, который, испугавшись Яана, вздыбился, зашипел и, перескочив ему дорогу, уполз в какую-то дыру под домом. К счастью, в стенах этого города никто не знал, что существует такая плохая примета, как перебежавшая дорогу чёрная кошка. Поэтому Яану и не пришлось сворачивать и делать большой круг до пункта его назначения, где он сразу глазами нашёл своих коллег.

Как зовут троих, он не знал, ещё не успел познакомиться. Только вчера их видел на камбузе. Мутные были ребята, да что там говорить – отморозки. Яан сразу решил держаться от них подальше. И от тех двоих, что сидели с ними рядом прямо на земле и большими глотками лакали бормотуху прямо из горла.

Ещё двое держались в стороне. Это были Боцман и его подхалим, который вечно таскался за ним хвостиком и только и делал, что ему во всём поддакивал. Это всех жутко раздражало, но если не хотелось обременить себя лишним трудом, то всегда было лучше воздержаться от каких-либо шуточек и замечаний в его адрес. А больше никого и не было. Наверное, местные не посещали эту собачью лавку. Быть может, потому что местные жители успевали закупиться крепкими напитками до десяти вечера в других, более приличных магазинах и лавках. Яан не знал почему, и не он один. Никто другой также не знал, почему «собачья лавка» называется «собачьей».

«Ну и ладно, какая разница. Главное, что эти двери всегда остаются открыты, невзирая на бесчеловечные и весьма идиотские законы».

2

В небольшой сырой лавке под мостом пахло сыростью, спиртом и плесенью, а небольшую комнатуху освещали четыре лампы, горевшие на мамонтовом жиру. Сама хозяйка, старуха, перемотанная с головой в серый, поеденный молью шерстяной платок, сидела за выпученным от сырости столом и смотрела выпученным глазом на Яана.

Яан же в третий раз пересчитывал свои восемь монет, и каждый раз цифра оставалась прежней.

– Значит, восемь монет за десять бутылок бормотухи? – поднял голову Яан и спросил у косой старухи.

– Восемь, – ответила она и, что-то положив себе в рот, неприятно захрустела.

– Один, два, три... – стал по новой пересчитывать Яан свои потёртые монеты, дублируя вслух каждую передвинутую на ладони железную монетку без герба и

какого-либо напыщенного индюка, какие любят от переизбытка самомнения рисовать свои портреты везде, где только представится возможность. – Восемь.

– Восемь монет – восемь бутылей, – сказала как отрезала старуха с выпученным левым глазом. А когда она шурила свой правый, то левый казался ещё больше, чем он был на самом деле. Такая неприятная иллюзия.

– Так, а где логика-то? – запротестовал Яан. – За девять монет вы продаёте десять бутылок вашего мерзкого пойла, а за восемь – это восемь? Тогда уже девять получается.

– Нет, – сказала она, и снова положила себе что-то в рот, и тут же хрустнула.

Яан мог поклясться, что эта сумасшедшая старуха только что себе в рот положила чёрного таракана. Но после того количества выпитого им наркотического вина он бы на это свои кровные монеты не поставил. Но теперь, и сам прищутив правый глаз, всмотрелся в мутное содержимое бутыля, стоявшего перед ним. К счастью, там ничего такого он не заметил. Просто

мутная вода, на вид собранная из лужи, вот и всё. Однако при тщательном изучении содержимого бутылки во рту образовалась слюнка.

Яан, фыркнув через нос, отвёл от неё взгляд к драным шторам, за которыми скрывалась ещё одна комната. Без сомнения, такая же грязная и вонючая. На миг задумался, в каких же условиях варится эта бурда. Уж явно сюда комиссия из санэпидемстанции не заглядывала. Причём ни разу. И всё же, крепко сжав восемь монет в левой руке, правой Яан стал рыскать по всем карманам в поисках ещё одной монеты.

И не нашёл.

Терять одну дармовую бутылку пошла было как минимум обидно. Тем более в этом месяце они зашли в порт аж два раза, что означало только одно – в следующий раз в город они теперь не скоро выйдут. Так что лишней бутылочки скрасить себе вечерок не будет.

«Нужно сходить и попросить монету у коллег», – подумал он.

– Не советую, если жизнь дорога, – ответила старуха и снова кинула себе в рот что-то чёрное и непонятное.

«Блин, я что это вслух сказал? Да вроде нет, наверное? Что за дела такие, – подумал Яан, и в этот раз он точно следил за собой и своими мыслями. Но на всякий случай про себя добавил: – Восемь монет за девять бутылок».

Старуха сидела на своём кресле, не шевелясь. Только одни лишь её челюсти всё время что-то молотили. А Яан, так и не дождавшись от неё никакой реакции, кинул восемь монет ей на стол и в последний раз назначил свою цену...

Выйдя из затхлой лавки с мешком в руках, в котором мирно побрякивали восемь литровых бутылок бормотухи, Яан даже не подозревал, какой в городе может быть чистый и свежий уличный воздух.

На улице никого не было, за исключением тех двоих, которых он никогда раньше не видел. Оба они лежали избитые до полусмерти там же, где и сидели ранее.

Странное ощущение почувствовал Яан, но не по отношению к избитым незнакомцам, а спиной. Такое, когда кто-то пристально пялится и думает о тебе что-то нехорошее. Но, повернувшись, Яан увидел закрытую дверь. Только по заплесневевшей двери бежал маленький чёрный жук, по виду напоминавший молодому человеку то, что всё время совала себе в рот старуха. А когда он наклонился к жуку поближе, тот быстро сиганул в щель между досками и исчез.

От мысли, что этот самый жучок сейчас спешит в рот к старухе, Яана передёрнуло, и кислая рвотная масса волной подступила к горлу и так же быстро откатилась обратно в желудок.

Больше Яан задерживаться был не намерен. Бочком он скользнул возле стенки лавки, какую только что посещал, и быстрым шагом буквально запрыгнул на мост, и, перебежав на другой берег, скрылся за углом узкого четырёхэтажного здания из красного кирпича.

Хотел бы он сразу и забыть о тех двух бедолагах, но теперь, к его досадному сожалению, они были главной его мыслью. Ведь если его кто-то видел, то непременно спросят, что он видел и кого, а самое страшное в этом случае было то, что если кто-то из властей его об этом спросит, то он тут же всё им и выложит, на блюде с золотой каёмочкой подаст. Сдаст всех, кого знает и не знает. Сколько бы он ни репетировал дачу ложных показаний, ответ всегда будет один.

«Я точно не знаю, шёл по делам в лавку, под мостом которая. Смотрел в пол, чтобы не споткнуться и не упасть. Ну вы же знаете, какие у нас дороги. Правящая элита летает на каретах из ведьминоного дерева, а тем временем простой люд ходит и, спотыкаясь, ломает ноги. Ломает ноги, теряет работоспособность, и всё. Что делать, куда деваться?» – хотел бы он сказать и продолжить чесать инспектору на уши, быть героем, сильным и неприступным. Как скала, одним словом. Даже имел визуальное представление, как после допроса он сидит в компании тех троих и разглагольствует за стаканом бормотухи, как его пытали и не сломали.

– Семерых я видел. Пятеро коллег с «Небесной Розы». Двое, боцман Вася и его слуга Серёженька, стояли отдельно, и те трое, я не знаю, как их зовут, но могу узнать, пили с этими двумя, – слетело бы с его уст ещё до того, как инспектор успел бы закончить свой вопрос.

«Я не трус! Если когда выпадет для меня такая ситуация, при которой можно будет проявить себя, я поступлю самым что ни на есть героическим образом. Но врать... Я не буду и не умею. Говорить правду – это уже в своём роде проявление в высшей степени силы характера!» – ведя диалог самим с собой, Яан неодобрительно покачал головой и, завернув за очередной угол дома, побежал со всех ног к себе на судно.

До которого сил хватило ему бежать минуты три. От силы пять, а после десяти минут Яан стоял в глубокой одышке, уперевшись в очередное здание, надеясь на то, что в этот раз никакая горластая баба не вылезет из окна и не облает его, как какая-то вшивая собачонка. А после спокойным и размеренным шагом он наконец добрался до стоявшего в порту судна, служившего ему домом уже один год и два месяца.

На трапе его встречал вахтенный матрос, присоединившийся к ним вчера. Ещё два дня назад он спал до обеда, ел и пил, когда в том возникнет нужда, а теперь он стоял тут на палубе, обдуваемый всеми ветрами, в ожидании единственного дорогого ему на данный момент человека – сменщика по вахте. А тут по трапу громко затопал Яан, и ему пришлось работать...

– Стой, кто идёт? – злым, но натянуто вежливым тоном поинтересовался вахтенный небоход.

– Я, Яан. Третий ранг, – вяло ответил он ему. Спать хотелось страшно, ноги подкашивались, а язык заплетался. Вот бы хоть раз он смог бы заплатить этому треклятому «Алому дому» достаточно, чтобы он мог встретить рассвет в объятиях Розы. Или, может, стоит вывести их отношения с его Розы на новый уровень, чтобы она его всегда ждала дома, и ему уже не пришлось платить непонятно кому. И они смогли бы больше времени проводить в объятиях друг друга.

«Да, я, определённо, ей это предложу в следующий раз, – в задумчивой паузе Яан почёсав себе шею, высоко задрал голову кверху. – Она, определённо, хочет того же. Ведь как она всегда счастлива меня видеть, и как моя Розы печалится, когда приходит время расставания. Эх, быстрее бы судно снова зашло в порт приписки в следующий раз».

– Ну и что ты тут встал как баран? Иди давай или чё?

– Да не чё. Как-то ноги дальше не идут. Хочу обратно к своей Розы, – вздохнул Яан и с тяжестью на сердце покачал головой из стороны в сторону.

– О, к той, что в «Алом доме» работает, да? Да, бабёнка что надо. Старательная, – засмеялся вахтенный матрос. – Я в прошлом рейсе как-то у неё месячную зарплату оставил. Тварь, я иди, а она «Ой-ёооой» и вздыхает, вся в горе, убитая сучка. «Ну как же мне хорошо с тобой, так не хочется, чтобы ты уходил. Ой, а давай на дорожку вина по бокальчику выпьем?» – небоход горячо сплюнул прямо на деревянную палубу. – А винишко то наркотическое, по шарам вставляет норм и давааай, а той то и надо. Сучка, только знай, часики свои переворачивает да ноги раздвигает.

Как всё произошло дальше, Яан не знал, не помнил и отчёта себе не отдавал. Просто что-то там в голове где-то щёлкнуло, и всё тут. Ширмочка поехала, и вот он уже налетел с кулаками на новенького небохода, который ещё недавно сутки напролёт лежал на диване и чесал своё пузо. А теперь какой-то ненормальный молотит его руками, словно мельница какая-то. Нелепая такая, всего с двумя лопастями. Но что делать: отбиваться или терпеть эти нелепые пьяные попытки осрамить его?

«Нет, я вахтенный небоход, и это моя вахта. Я небоход или нет?» – и одним ударом в челюсть срубил он пьяного Яана наповал.

Яан плыл в пустынном чёрном небытие, в месте, где нету сегодня, как и

никогда не было вчера. Он не чувствовал ни боли и ни жажды. Финансовые проблемы его не обременяли, но счастья от этого он не ощущал, как и то, что он живой и дышит.

Яан спал одним из своих крепких снов и просыпаться не желал, но, как и многое другое в этом мире, некоторые вещи контролировать просто нельзя. Особенно когда в этом прекрасном бессознательном состоянии ты также бессознательно поворачиваешься с живота на бок и в ту же секунду начинаешь падать в какую-то бездонную пропасть.

Поначалу все органы чувств ещё сами спят или ещё не функционируют должным образом, но мозг первый выходит из пустынного небытия и начинает что-то ощущать. Поначалу ему кажется, что он всё ещё спит и, как это часто бывает, падает во сне. Однако в считанные мгновения понимает, что это не так. Он, то есть Яан, падает вниз совершенно в реальной жизни и времени. Ум начинает работать на все сто процентов своих восьми процентов или девяти и начинает истерически жать на все рычаги и кнопки. Трубить тревогу и возбуждать всю нервную систему Яана.

Глаза Яана заливают и ослепляют ослепительно режущим белым светом. Первая мысль, что он спит.

«Это сон?» – но его мозг уже давным-давно понял, что нет и он падает здесь и сейчас прямо вниз, и если он что-то не предпримет, он разобьётся и погибнет. По этой причине Яан осознаёт своё положение ещё до того, как сам задал себе этот вопрос. Его руки и ноги беспомощно барахтаются во все стороны, и когда он на все сто процентов отходит от сна и глаза видят под собой лишь белые облака, его руки и ноги начинают барахтаться с удвоенной силой, но так ничего и не находят, за что можно было бы зацепиться, и Яан камнем продолжает лететь вниз. В белое воздушное облако, не имеющее никаких под собой свойств, чтобы хоть как-то словить его или хотя бы замедлить его всё нарастающее падение вниз.

Когда кожа Яана коснулась холодного и мокрого воздуха, он уже совсем потерял свой голос, но по-прежнему продолжал, падая вниз, орать с выпученными, как у карася, глазами и трепыхающимися в разные стороны конечностями. И даже после того как какой-то пояс на нём натянулся и словно невидимая рука самого Господа его мягко остановила и потянула вверх, Яан по-прежнему продолжал рвать свои бедные голосовые связки.

Он немощно подлетел вверх метров на сорок и так же немощно снова стал падать вниз, молясь небу и звёздам, чтобы та сила, которая не дала ему продолжать падать в бездну, спасла его и в этот раз. И теперь ляжки на его поясице напряглись и продолжали всё крепче впиваться в его пояс и пах, а затем неведомая сила снова Яана вытолкнула вверх, но уже метров на двадцать всего. Потом на десять, на четвёртый раз Яан лишь едва колыхнулся и так и повис один, качаемый на ветру среди белого холодного небесного тумана. Закрыв ладонями своё лицо и громко разрыдался. Так громко и навзрыд, как не признается ни один в мире мужчина, что способен так горько плакать.

Спустя минут десять или двадцать среди белых облаков в месте, лишённом всех звуков мира, кроме редкого завывания ветра, время текло совсем иначе, чем на берегу, Яан прекратил лить свои слёзы и полностью расслабился. Теперь даже в каком-то смысле он стал получать некое удовольствие от своего полёта. Как собака, которая вытаскивает голову в окно машины на скорости. Мирно висел себе на страховочном поясе, свисая, словно паучок на паутине, и оглядывался по сторонам.

Когда Яану это чувство свободы и полёта надоело, а спина от неудобного положения начала затекать, он решил, что надо лезть обратно на корабль.

Лезть по резиновому тросу пяти сантиметров в диаметре со скрученными узлами через каждые полметра оказалось легче пареной репы, и Яан с неожиданностью для себя стал быстро сокращать дистанцию между своим первоначальным положением и конечным.

Вот только его первичный запал быстро потух, руки стали забиваться и тяжелеть, а сколько ещё ползти вверх из-за белого, как молоко тумана, он не знал. Однако трос когда-то должен был кончиться, и это помогало ему ползти и ползти вверх, несмотря на усталость и боль пальцев рук.

Наконец сверху появилось сперва серое пятно, а затем, по мере того как он взбирался вверх, это пятно всё темнело и темнело, пока он не коснулся коричневого деревянного корпуса судна и не оставил на нём свой потный след.

В днище корпуса судна «Небесная Роза» располагалась дыра длиной в два метра и шириной в сорок сантиметров по всей её длине. Вот туда с большим трудом, уже совершенно замёрзший и обессиленный, влез небоход третьего ранга Яан за то, что по возвращению из города напал на другого, не менее ответственного небохода, несущего вахту. Внутри эта дыра в корпусе была небольшая. Её высота была около полуметра, а от небесного люка по обе стороны были безопасные зоны ещё по тридцать сантиметров. Так что, как бы ты в ней ни лежал, часть тебя самого всегда будет свисать над бездной, и для того чтобы хоть как-то там удержаться внутри, приходилось с одной стороны выбрасывать руку и ногу на другую тридцатисантиметровую зону комфорта. Сесть было невозможно, и когда одна сторона затекала, приходилось перескакивать с одной стороны на другую и всё время держаться как лягушке, всеми конечностями в разные стороны. Так что пока ты бодрствуешь, тебе ничего не угрожает, но как только твои глаза закроются и страх перед бездной больше не пересилит сон, ты обязательно свалишься в небесный люк, и тогда молись всем богам, чтобы команда прицепила к твоей тощей заднице спасательный трос.

Удивительно, какими комфортными условиями может показаться эта дыра в днище судна, после того как какое-то время поболтаешься как маятник над бездной. Яан даже закрыл глаза от удовольствия, как только боком прижался к правой стенке его карцера. Конечно, удовольствие было лишь отчасти, а по большей части это была просто радость тому, что он всё же сумел добраться до верха, и тому, что команда, несмотря на его проступок, его застраховала.

Вчерашний день помнился ему с большим трудом и с пробелами в памяти. Конечно, он помнил свою Розу и то, как бежал на судно, но вот за что он оказался в небесной яме, он не помнил. Помнил только то, что на него напал какой-то новенький сопляк у трапа. Или он на него...

А под ним тихо скользила белоснежная воздушная гладь. Глядя на неё, Яан улетел в своих мыслях, они тихо и безмятежно скользили. Даже хотелось прыгнуть вниз, в эту пушистую дымку. Кажется, что можно вот так прыгнуть спиной вниз и тебя поглотит самый мягкий в мире матрас. И тут же ему захотелось и прилечь поудобнее да и позу поменять, руки и ноги как-то сразу затекли.

С трудом Яан переместился с правой стороны своей каюты временного содержания на левой. Ощущения при переползании с стороны на другую были те ещё. Аж дух захватывает. Но на другой стороне ему удобнее не стало. А вытаскивать его никто не спешил.

Когда снизу в небесной дыре начало темнеть, руки и ноги Яана стали уже ватными и бесчувственными. А как кушать хотелось, сил не было. Он пытался вспомнить, когда он в последний раз ел, но и это далось ему с трудом. В «Алом доме» в гостях у Розы что-то ел. Но это были, скорее, деликатесы и закуски к винам, на которые он денег не жалел. Роза любит вино, особенно медовое, со сладким наркотическим привкусом. А ему нравилось, хотелось её баловать. Ведь они так редко виделись.

«Ох, моя Роза... Как ты там без меня?»

Упервшись лбом об деревянную переборку, Яан крепко зажмурил глаза и попытался вспомнить её улыбку. Как она, улыбаясь, нежно целует его в губы и, провожая его в рейс, шепчет ласковые слова. Как она сильно будет его ждать и скучать по нему.

Люк над головой неожиданно щёлкнул и открылся. Внизу уже было темно, и белых небесных барашков уже не было видно. Яан, совершенно обессилев, посмотрел вверх, где его встречала довольная физиономия боцмана с широкой улыбкой. Яан хотел было улыбнуться ему в ответ, но в глазах стало резко темнеть, и всё, что он успел сделать, прежде чем потерять сознание, это как кузнечик выпрыгнуть из карцера в маленький люк на свет и тепло.

4

Лицо вспыхнуло жгучей болью, это боцман как следует приложил ладонью Яана по лицу. Ошалевший Яан тут же сел с выпученными глазами и потёр своей холодной рукой левую щеку. Но не прошло и пяти секунд, как его повалило на палубу от следующего, гораздо более тяжёлого и хлёсткого шлепка по лицу.

– Да что такое, за что вы меня бьёте? Я же уже очнулся! – застонал Яан, а его глаза наводнились слезами боли и обиды. – Здоровый мужчина, мне скоро сорок лет, а...

– Я знаю, – сказал старший смены. – Это боцман тебя шлёпнул, чтобы ты проснулся. А я – потому что мне нравится, – и он искренне расхохотался, встал и небрежно пнул Яана ногой под зад. – Вставай давай. Иди жрать давай.

Яану стало обиднее, чем было. Но перечить и переть против боцмана и старшего по смене – смерти подобно. И он, подчинившись, встал и пошёл. Но ноги тут же под его весом подогнулись, и Яан снова под дружный хохот зрителей оказался лежать лицом на палубе, так как его руки, как и ноги, всё ещё были затёкшими от многочисленных часов в небесном карцере. Очень хотелось полежать и поплакать, но от следующего пинка под зад искры из его глаз посыпались в разные стороны, и Яан буквально поскакал на камбуз, словно кролик.

Колбаски копчёные, сосиски вяленые, сыры пяти или семи видов, креветки и крабы – всё это у него было в «Алом доме» у Розы. Здесь и сейчас Яан смотрел на выбор из оставшейся на дне миски гречки, переваренных макарон и мяса, быть может, свинины, но приготовленной так, что мясо кота подзаборного, заправленного за глаза чесноком и разными специями в беляше, по сравнению с этим было пиком кулинарного искусства.

Яан поморщил нос и наложил себе в тарелку всего по чуть-чуть, а макарон побольше.

На вкус мясо было просто отвратное. Гораздо отвратительней, чем казалось на первый взгляд в своей подливке. Поэтому его Яан съел в первую очередь, а уж после того мяса гречка и переваренные макароны были просто за счастье. А уж кусочек белого хлеба, что выдавался каждому по выдаче, да с малиновым вареньем, был вообще шиком. После такого десерта Яану теперь казалось, что и сам ужин был вполне ничего себе.

– Ох, чайку бы ещё, – вздохнув, как-то совсем жалобно сказал он сам себе. Но горячий кипяток выставлялся на камбузе только на завтрак и на ужин, а теперь уже время было позднее. Да и кипяток-то с тех пор, как сменился помощник повара, был от силы нагрет до семидесяти градусов. Чай еле-еле заваривался. И холодный он невкусный. Яан ещё раз тяжело вздохнул.

Делать было нечего. Яан встал из-за простого казённого стола и пошёл к себе в каюту. Уходя с камбуза, на дорожку пошарил по тумбочкам в надежде найти недоеденные баранки и сухарики. Но кроме крошек, там ничего не валялось.

По дороге в свою маленькую каютку, где кроме узенькой койки, тумбочки и небольшого шкафа, сбитого каким-то пьяных дел мастером, Яан никого не встретил. Это и хорошо. Яан после Розы, после проведения времени в небесной камере видеть и разговаривать особо ни с кем не хотел. Вообще не хотел. Так он и упал на лопатки на свою жёсткую, не то что перина в «Алом доме» у Розы, кровать – койко-место.

– И кстати, где моя бормотуха! – воскликнул он и, нервно подпрыгнув с койки, рванул к шкафчику в углу каюты.

Дверца скрипнула и, покосившись, скрипнув, слетела с верхних петель.

– От зараза! – выругался Яан. – Надо завтра починить!

Один год, три месяца, две недели, двадцать пять дней и тридцать четыре минуты назад (секунд и доли секунд я не буду называть, вдаваясь в мельчайшие подробности) матрос третьего ранга Толя, сын Алёши, матроса первого ранга, произнёс те же самые слова на этом же судне и в этой же каюте. Выругался, и, приподняв дверцу, закрыл её, и забыл. Как и закрыл её сейчас, прямо в это мгновение, Яан и забыл.

Что было внутри, а гораздо важнее, чего там не было. А именно там не хватало ровно восьми литровых бутылок мутной бормотухи, купленной у сомнительной старухи ночью в какой-то затхлой, сырой норе под мостом. Но тем не менее расстройство Яана было налицо.

В тумбочке у кровати бутылок тоже не было. Собственно, откуда им там быть? Ведь он ни в тумбочку, ни в шкаф сам их не ставил.

– Ах ты, сын говна! – изрыгнул из себя Яан на отмудохавшего его вахтенного небохода и чересчур сильно ударил кулаком по светло-коричневому шкафу.

Дверца от удара содрогнулась и, перекосившись, полетела вниз. К счастью, Яан успел её подхватить ещё до того, как сломались и нижние петли тоже.

– От зараза! Надо завтра починить!

– Какого хрена ты там шумишь! – заорал ему сосед за переборкой и что было сил затарабанил кулаком по стене.

Стены были настолько тонкие, что было слышно даже непроизвольно вырвавшиеся кишечные газы, а уж стуки кулака передавались так, словно сосед стучал прямо ему по голове.

– По голове себе постучи! – в ответ заорал на него Яан.

– Рот закрой, мудака! – ответил сосед.

– Иди на хер, олень тупорылый, я щас сам тебе башку проломлю! – с улыбкой возразил ему Яан, а сам стянул с себя верхнюю одежду и залез под одеяло.

– Да, да, – со смехом ответил сосед за переборкой. – Спокойной ночи, мутила.

– Спокойной ночи.

Яан прикрутил маленькое колёсико на светильнике, но гасить огонёк до конца не стал и, улёгшись поудобнее, тут же уснул. И казалось бы, теперь, лёжа в своей казённой кроватке, где можно вытянуть ноги и спать, не опасаясь свалиться в небесную бездну, Яану сладко поспать не получилось. Всю ночь снилось то, как он мучается в небесной камере. В его сне всё было как по-настоящему. Холод, страх, жуткий дискомфорт, а самое главное – ему отчаянно хотелось спать даже во сне.

Единственное, что никак не вязалось в его сне, это постоянный бой барабана. Сначала это было как отдельные короткие удары: БАМ, БАМ... а потом они стали громче, ритмичнее и чётче, как: БАМ, БАМ-БАРАБАБАМ, БАААМ.

Раздражало с невероятной силой. Пуще чем чёртово петушиное пение в доме на горе у его Розы.

Ещё минуту, и бой стал таким сильным, что казалось, если стук барабана будет продолжать нарастать, то его ушные перепонки попросту этого не выдержат и лопнут. Он закрыл уши руками. Во сне ему это показалось весьма разумным, что он ни за что не сорвётся в бездну. Но как только его ладони коснулись ушей, он сорвался. Но почему этот чёртов стук не замолкает?

Яан продолжал лететь вниз, пока не увидел особо мягкую на вид тучку, и только он подумал, как ему будет хорошо на ней лежать, что-то со страшной силой врезалось ему по голове.

Эта была его затоптанная палуба в собственной каюте. А барабан продолжал барабанить свою песню, подымая простых небоходов на работу.

5

– Оааа... на работу... – застонал Яан, уже позабыв о своём сне и сжав онемевшими пальцами после сна своё одеялко, взвыл, как слабая пародия на вшивенького волка. – Ауууу... – и кряхтя, поднявшись с пола, напялил на себя штаны и майку, пошёл на камбуз.

Одна физиономия была «счастливее» другой.

Кто-то ещё совсем спал на ходу и наваливал себе безвкусной каши чисто по памяти. Кто-то ещё и не ложился после ночных работ и брёл к той же алюминиевой кастрюле по тем же параметрам, что небоходы из первой группы. Третьи же были полны сил и бодрости, они метались по камбузу от кастрюли с пресной кашей к чайнику с подогретой водой, которая должна была быть кипятком, и переваренному до синеватых желтков десятку яиц. Крутили носом, морщились и вздыхали.

«Новенькие, – с тенью улыбки подумал Яан. – Сопляки».

Да таких очень легко было вычислить, их было видно даже невооружённым глазом. И не важно, сколько лет он провёл в небе до этого дня. Старый он был небоход или молодой, но в первые дни все они, как и Яан год с небольшим плюсом дней назад, стоят и воротят носом. Принюхиваются и задаются только одним вопросом: как, твою мать, можно так отвратно готовить?

Исключением были только те, кто в небо попадали впервые.

«Нищebroды», – улыбнулся Яан и всунул в себя очередную порцию каши.

Как правило, те, кто приходили в небо впервые, были из самых бедных и неблагополучных семей, за исключением потомственных небоходов. Те крутили носом на камбузе, как и все остальные нормальные небоходы, а что касается «нищebroдов» – те мели всё и вся как глухонемые. По крайней мере, в первое время.

Но этого тупого мудака, что вырубил его, Яан не видел. Или вот этот длинный шланг, что уже в третий раз подходит к кастрюле с кашей и что-то там вынюхивает себе. Будто на третий раз она станет пахнуть слаще? Жри давай что дают, сопляк!

Деваться было некуда, и высокому парню в тельняшке всё-таки пришлось есть что дают. И сел он рядом с Яаном. Это ему не понравилось. Очень не понравилось. Рядом с ним сидел один старикашка. Сколько было ему лет, Яан точно не знал. Шестьдесят, может, шестьдесят четыре. Прикольный такой, знал все матерные анекдоты на свете и лодырь был ещё похлеще самого Яана. А теперь, значит, ему придётся всё время работать с этим «человеком-лестницей».

«Стремянка, олень? Нет. Человек-цапля? Цапел? Цапел. О-оо, Цапел! Слышь ты, длинный, мне плевать, кто ты. Теперь ты будешь Цапел! Понял ты, сопляк?» – веселился Яан в своём уме и за очередной ложкой отвратительной каши уже стал визуализировать то, как он гоняет по палубе молодого юнца, а сам сидит и кайфует в тенёчке.

Покончив с кашей, Яан быстро ещё забежал к себе в каюту, где переоделся в рабочие штаны из плотной кожи оранжевого цвета, тельняшку, и, накинув поверх безрукавку по фасону к штанам, вышел на палубу.

Боцман, как всегда, скрестив руки на груди, стоял на своём месте и жадно выглядывал тех «счастливчиков», кто придёт на работу с похмелья, а ещё лучше, опохмелившихся небоходов. Вторых ждала неминуемо недавняя судьба Яана или такие работы, которым лучше предпочесть небесную камеру. Но лучше было не спорить, а иначе получишь и то и другое.

Первая группа молодцов уже стояла и ждала работу, во второй ещё не хватало несколько человек, а из своей третьей группы Яан пришёл самый первый. Но не потому что Яан был таким молодцом, а потому что небесная камера умеет дисциплинировать.

Яан покрутил головой по сторонам, как юла, но вокруг кроме песков он ничего не увидел. Пески и пустыня, бескрайние равнины и холмы. Яан поморщил носом. Очень он не любил песок. Ведь как бы высоко они ни стояли, всё равно за ночь его наметало на палубу целыми горами. А ему потом его сметать...

Ветра не было, и белоснежные паруса были собраны, а судно просто мирно дрейфовало над безжизненными землями. Хотя, конечно, не такие уж они были и безжизненные. Живущих в них тварей хватало.

«Ну вот Цапел пришёл, только не вздумай тут встать рядом с со мной, – хмыкнул про себя Ян. – Ах ты, зараза, и что тебе тут мёдом помазано? Иди давай отсюда».

– Ну всё, все в сборе, – объявил боцман. – Посчитай всех.

А его мелкий подхалимный прихвостень Серёженька только этой команды и ждал. Побежал считать всех, как заведённый. Только тихо шептал про себя да пальцы загибал:

– Двух небоходов второго ранга нет, и один из третьего – пьяный.

– Пьяный? – переспросил боцман.

Серёженька тут же метнулся к стоявшему справа от Яна Сергею и засунул ему свой длинный нос чуть ли не в рот:

– Да, да, Вася. Он пьян, он точно пил вчера и много, с самого утра он тоже выпил, я думаю, – Серёженька ещё раз поднёс к покрасневшемуся от злости лицу Сергея свой нос и ещё раз как следует втянул им воздух. – Да, да, есть свежачок, есть, – и с этими словами он тут же метнулся на своё место.

– Очень хорошо, – довольно кивнул головой Боцман. – Значит, первая группа идёт на камбуз. Мыть, убирать и крепить полученную провизию.

«Ага, как бы не так, – скривился Ян. – Отдыхать, расслабляться и веселиться, скорее. И жрать то, что мы не видим на камбузе никогда».

– Вторая группа, – продолжил боцман, – отправляется на мостик делать навесы по бортам, а третьей группе остаётся палуба. Да чтоб так её надраили, чтобы я в неё своё отражение видел. Это понятно, страдальцы?

– Поняатно, Вася. Будет сделано в лучшем виде. Ты же меня знаешь, – с довольной физиономией хмыкнул старший третьей группы Егор. (Который ещё совсем недавно был Егоркой или просто Парень, а теперь, как стал старшим по смене, наконец-то его стали называть по имени.)

Капитан и старпом сидели на шезлонгах с подветренной стороны боевого воздушного фрегата и, громко смеясь, пили горячий чай из маленьких чашечек.

– Так, а смысл делать эти навесы? Всё равно при первом же порыве ветра их снесёт.

– Василий, извините, мы опоздали, – два небохода второго ранга из второй группы сломя голову влетели в строй и лихорадочно начали оправдываться. Но боцман так и не дал им этого сделать.

– Очень хорошо, – перебил их боцман. – Во-первых, я не Василий, а Вася. Не нужно тут мне офицерские ярлыки клеить. Это вон к нашему Юрию так обращайтесь. Он у нас теперь птица высокого полёта, – боцман сплюнул прямо на палубу.

Ян, вздохнув, подумал: «Блиин, ну что ты делаешь? Мне же это всё мыть надо».

Народ посмеялся и недобрым взглядом посмотрел на Юрия, который сейчас с задранной носом до самого солнца с гордостью стоял у штурвала и куда-то рулил на дрейфующем корабле.

Некоторые также поддержали Васю, сплюнув на палубу.

«Ну серьёзно, ну что вы творите-то. Кто вас воспитывал, варвары», – в душе расплакался Ян и от грусти чуть сам не сплюнул на палубу, которую ещё предстояло всю вымести и помыть.

– Всё, прекращаем галдеть, бакланы! – рявкнул боцман, скрестив руки-ракеты у себя на груди. – Мне плевать, почему вы опоздали. Сейчас идёте и вместе с остальными устанавливаете навесы. Ну а после ужина ложки и тарелки, которые вам все придётся сегодня помыть, с удовольствием выслушают вашу удивительную историю. Всё ясно?

– Да. Ясно, – промямлили опоздавшие. (Один из которых был тот, кто вырубил Яна на трапе.)

– И десерт, наш сладкий сахарок. Где он там прячется?

Сергей уж так надеялся, что боцман о нём забудет. Он так всё это время, как ему казалось, удачно прятался за спинами своих коллег, что уже начал думать, что действительно на этот раз выйдет сухим из воды.

– Я тут.

– Ох, сколько боли и страданий я слышу в этих словах, – боцман и все вокруг весело посмеялись, а Яан даже одобрительно его похлопал по плечу, так как все, включая самого Сергея, прекрасно знали, чем всё закончится. – А на тебе, дорогой, на сегодня галюн. До обеда моешь офицерский, а после – наш, и смотри мне, хоть одно пятнышко пропустишь, будешь у меня там жить до тех пор, пока с унитазов нельзя будет суп хлебать. Ну всё, рассосались, бездельники!

– С них уже и сегодня можно суп хлебать, – буркнул себе под нос Сергей. Да так тихо, что рядом стоящий Яан сам его еле-еле расслышал, не говоря о том, чтобы услышал боцман, хотя так, конечно, и было задумано.

Работать не хотелось просто ужасно. Каждое движение и шаг Яану давались с величайшим трудом, а рабочий день только начался, и на палубу намело песка просто немерено. Раздражал и тот факт, что из двадцати девяти человек экипажа почему-то мести палубу пришлось только пятерым.

В первую группу всегда входили самые приближённые к старшему помощнику капитана, и по этой причине им, естественно, такую неблагодарную работу, как мойка и уборка, не поручали.

Во второй группе уже приближённых не было, но тем не менее самую мерзкую работу, по мнению Яана, им всё равно не поручали. Если не залетят, конечно. Сюда попадали люди в основном рукастые, которые могли прибить, прикрутить, выточить, смастерить и придумать что-нибудь, чтобы «эта хрень держала ту хрень, и эта фигня работала».

Яан, когда слышал такое, то впадал в ступор. Во-первых, как можно догадаться, что когда кто-то говорит про «эту хрень», то как можно понять, о чём он там вообще думает в своей голове, и «эту хрень не принять за ту хрень». А во-вторых, это уже неважно. Если человек, по мнению высшего руководства, не схватывает на лету, то Яан уже сидел в небоходах третьего ранга третьей группы свой третий контракт. Первые два контракта он провёл на борту знаменитой «Небесной Розы» примерно по году. Третий же и нынешний контракт Яан отработал уже сполна, аж зашкаливало, а надежд на повышение вверх по карьерной лестнице ему и не снилось.

Даже иногда, в очень редких моментах, таких муторных и безнадёжных, как сейчас, когда он только-только приступал с утра к нудной и бесконечной работе. Яну казалось, что небо – это вовсе не для него. Но с другой стороны, он больше ничего не умел. Но точно, по его мнению, он без малейшего труда со своей стороны мог бы обучиться любому «земному» ремеслу, стоило бы ему этого только захотеть.

Но его заветная мечта была здесь, в небе, и на берегу, конечно, тоже. Тут должность, а там Роза.

«Моя Роза, как ты, любимая? Скучаешь ли ты по мне так же, как я скучаю по тебе?» – Яан, закрыв глаза, сладко улыбнулся и выбросил песок из деревянного совка с бронзовой ручкой за борт.

Он в небе. Яан бороздит небесные просторы на «Небесной Розе», а дома, на берегу, его ждёт его Роза. (Хотя на самом деле Роза, его Роза, звали Алёна или Катя. Но чаще всего она представлялась как Алёна. Конечно, если клиент был не небоходом. Небоходам она представлялась всегда как Роза. Но Яан этого не знал. Для него она была только «его Роза».)

Мечтал он о ней сейчас, когда сметал очередную кучку гадского песка, что всё время летел в глаза больше, чем в совок, и перед сном мысли о «его Розе» скрашивали его минутки одиночества. Мечтал он о том, что они всегда будут вместе. И ему для этого нужно только стать капитаном «Небесной Розы».

«Хотя, думаю, и старпомом уже будет достаточно, чтобы Роза смогла наконец переехать ко мне, – задумался Яан, делая вид, что что-то там выметает из-под маленькой лесенки. – Да,

но не в съёмную дыру, где я сейчас живу. Моя Роза достойна только самого лучшего. Хотя я пока дойду до должности старпома с окладом помощников, я уже смогу купить приличный дом. Да. Нужно будет только с Розой обсудить этот момент. Что после повышения нам ещё какое-то время придётся экономить. Пока я не куплю подходящий дом».

– И что ты встал, а? Шевелись, крыса болотная!

Яан подпрыгнул на месте, и мысли улетучились в его голове. Хотя боцман орал в этот раз не на него. Повезло. Но надо сейчас какое-то время действительно шевелиться. А там боцман свалит руководить постройкой навесов от солнца для капитана, и можно будет снова валять балду.

Прошло только двадцать минут, и до первого перерыва оставалось ещё полтора часа. Яан, узнав эту информацию, не по-детски разрыдался в душе и смёл очередную кучку песка в совок.

На палубе было жарко и душно. Тяжело было даже просто стоять на одном месте и не двигаться, а уж мести нескончаемый песок с палубы было вовсе невыносимо.

Яан устало разогнулся, сделал небольшую зарядку для спины и, скинув кожаную безрукавку оранжевого оттенка у мачты, закатал рукава тельняшки и принялся разглядывать местный вид, который ничуть не поменялся. Те же песчаные холмы и пустынные равнины. Ненавидел он пустыню. Кругом один лишь песок. Быть может, то, что он простирался везде и всюду, с этим ещё можно было мириться хоть как-то. Но ведь при малейшем порыве ветра его подхватывало и наметало на палубу целыми горами.

При малейшем ветре... Когда же ветер дул сильнее, песок был везде. В глазах, в ушах, в трусах. Идёшь на камбуз обедать, и на зубах хрустит песок, на ужин – тот же самый проклятый песок. Сколько бы ты себя ни отряхивал и ни выхлопывал соломенной метёлкой перед сном. В постели так и так будут, так же как и на палубе, горы песка. Проклятые песчинки будут колоть тебе левый бок, перевернёшься на правый, будут колоть правый. Встанешь посреди ночи, отряхнёшься, выхлопаешь простынь, ляжешь в постель в надежде, что песка станет в ней меньше. Но меньше его не станет.

Проклятый песок как чесотка у бездомного – уже сидит глубоко в порах. А по ночам сыплется из пор на простынь и впивается по новой. Бесконечно.

6

Яан чувствовал, что кто-то пристально за ним наблюдает.

«Ну и что?» – подумал он.

Под его метёлкой медленно продолжали расти маленькие песчаные кучки, которые он также медленно и не спеша ссыпал за борт небесного корабля. Правда иногда случалось так, что в тот момент, когда он от лени своей не доходил до перил последний метр и вышвыривал песок на расстоянии, порыв ветра подхватывал те многочисленные песчинки и снова забрасывал их обратно на борт «Небесной Розы».

Вот и в этот раз вышло то же самое. Опять. Яан улыбнулся, и дюжина песчинок поселилась у него во рту и в глазах.

Потребовалось минут пять, чтобы пальцем выгнать из глаз к переносице весь песок, и не меньше, чтобы его выплюнуть за борт. А когда Яан в полной уверенности, что за его спиной никого нет, оторвался от перил и, потеряв глаза, пошёл обратно к своему рабочему месту, так вышло, что ещё бы чуть-чуть, и со всего хода он влетел бы в самого капитана.

– Ой, извините, – растерянно сказал Яан. Оглянулся по сторонам, где его коллеги интенсивно, сломя головы мели песок.

Капитан стоял молча и на своём толстом брюхе тёр золотую пуговку.

«Это ничем хорошим не кончится, – сделал про себя вывод Яан, – нужно что-то сказать, чтобы хоть как-то разрядить обстановку».

– Хороший день сегодня. Вы так не считаете? – неуверенно пожав плечами, совсем не мужским голосом спросил Яан, сжевав при этом последние слова.

– Хороший, – любезно ответил ему капитан и улыбнулся.

«О, супер. Нормальный мужик».

– Загораем? – также любезно продолжил капитан.

– В смысле? Нет. Что вы?

– А вы знаете, что на палубе корабля «Небесной Розы» существуют некие правила. Или мы с вами, быть может, летим на разных кораблях?

«О чём он, чёрт возьми?!»

– Конечно. Разумеется, да, – ответил Яан, кивнув головой, так в душе и не понимая, что от него хотят, но с надеждой на то, что этого будет вполне достаточно.

– То есть вы прекрасно осведомлены о правилах, действующих на борту моего корабля, и тем не менее вы решили, что можете сами выбирать, что вам нравится, а что нет. Правильно я понимаю или нет? – в голосе капитана любезности и обходительности и след простыл. Теперь в нотках его голоса дрожали раздражение и нарастающая злость.

Яан смотрел на пухлые и обвисшие щёки капитана, на то, как его губы то трясутся, то изгибаются в кривых линиях, и не знал, что ему ответить. Ни единой догадки, о чём он говорит и что от него он хочет услышать.

– Я ВАС СПРАШИВАЮ, ОТВЕЧАЙТЕ МНЕ! – лицо от криков ещё больше покраснело, а по щекам побежали бело-красные пятна.

– Эм, нет, – промямлил Яан.

– НЕЕТ? То есть вам чихать на законы и правила.

– Неет, конечно, нет! – Яан весь уже вспотел, и пот стал заливать ему глаза.

– ТОГДА ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ВЫПОЛНЯЕТЕ ТРЕБОВАНИЯ?! Я ВАС СПРАШИВАЮ?

– Яа...

– БОЦМАН!!! Где чёртов боцман? СТАРПОМ, живо ко мне!!!

Молодой парень первый раз в должности тут же по первому зову материализовался по правую руку капитана с испариной на лбу.

– Да, капитан.

– Вы что себе позволяете? – снова с едва наигранным добродушием пропел толстый мужик в дорогой одежде с золотыми пуговицами и вышивкой.

– Виноват, капитан. Извините, капитан. Я сделаю всё, что потребуется, чтобы исправиться и чтобы больше не допускать подобного, – голова парня виновато поклонилась в ноги.

– Верно, – одобрительно кивнул головой капитан. На его щеках красно-белые пятна раступились, но голова всё ещё гневно слегка потрясывалась. – Этого немедленно в яму, пусть посидит там до утра. Подумает над своими поступками.

«До утра?» – подумал Яан, и в голове его потемнело.

– До утра, капитан?

– Я что, изъясняюсь на неведомом языке? – вспыхнул снова капитан, но не настолько, чтобы его голос начал срываться, как в прошлые разы.

– Совершенно ясно и доходчиво. Конечно же.

– ГДЕ БОЦМАН?! – снова этот надрывистый крик, орущий на весь корабль.

– Я здесь.

– Почему мне докладывает младший... ДА КТО ОН ТАКОЙ, ЧТОБЫ МНЕ ГОВОРИТЬ? СТАРПОМ!

Парень закрыл глаза и вспомнил о своём немалом кредите на новый дом в хорошем районе. Тот, который при всём своём желании не смог бы никогда оплатить, будучи вторым помощником. Но в главном офисе недвусмысленно намекнули, что за годовую премию его поставят старпомом вне очереди. И деньги тут же нашлись. Что-то было у него самого. Часть

монет он держал в маленьком глиняном цветочном горшочке, из которого пытались расти какие-то три несчастные колючки. Другую половину своих денег он держал в старом штопаном носке на дне корзины для грязного белья. Но этих денег оказалось едва половиной от нужной суммы. Другие деньги он позанимал у всех, у кого только было возможно. Что не сделаешь ради столь желанной должности. А после передачи «премии» и подписания контракта в новой должности в глазах так и засверкали монетки. А ещё эта баба в банке:

– Вы, – говорит, – теперь и есть сливки города. Теперь каждая дама будет спать и видеть, как заполнить вас. А где вы живёте? – небольшая пауза, и ей и не требовалось его ответа. У неё всё было уже написано на маленьких жёлтых листках бумаги. А дождавшись предела неловкости момента и достаточного уровня краски на лице клиента: – Ой, ничего. К счастью, теперь и финансовые трудности больше вас никогда не коснутся, и, к счастью, для вас у нас одно замечательное предложение, – девушка обернулась себе за спину, а потом наклонилась ближе к своему клиенту. – Дом просто замечательный. Только начальство его нам не разрешает клиентам показывать. Наш босс себе его хочет забрать. Такой дом и за такую цену появляется раз в золотой век...

Дом стоил очень дорого даже без обязательной страховки и процентов на кредит, а уж со всеми... и таких же, как близнецы, домов по всему городу ещё продавалось очень много.

Старпом открыл глаза:

– Капитан, боцман уже тут.

– ОН ТУТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВСЕГДА!

– Я со второй группой устанавливал вам навесы по крыльям. Вы же видели.

Старпом снова закрыл глаза и стал практиковаться плачу внутрь себя.

– СТАРПОМ!

– Капитан?

– Что позволяют ваши люди? Я что, должен один тут работать? Как долго вы уже ходите в небо?

– Простите, капитан. Это всё моя вина. Капитан, я сегодня же соберу команду и проведу с ними инструктаж.

– Очень хорошо. Может быть, с вами что-то и выйдет, старпом, – капитан уже было развернулся и пошёл уходить с палубы, как обернулся и добавил. – Но сперва я с вами хочу поговорить один на один в кают-компании.

– Капитан, сейчас?

– Когда я вас вызову. Наведите здесь порядок. Сейчас!

7

Раз, может, два раза в год открывался люк в небесную яму. Теперь же под новым руководством экипаж чувствовал, что она и запылиться не успеет. Ещё не прошло и недели, а Яан посетил эту дыру в днище корпуса «Небесной Розы» уже во второй раз. Однако в этот раз всё было гораздо страшнее.

Одно дело, когда ты знаешь, что в случае если сорвёшься вниз, то страховочный трос, закреплённый на заднице, тебя с лёгкостью выдержит. Но совсем, совсем другое дело – лежать на узеньком кусочке перекладки и смотреть в небесную бездну без страховки.

Для Яана прошло уже часов пять, хотя, на самом деле, он провёл в яме не больше часа, а его руки и ноги уже полностью онемели. И до утра он знал, что не продержится. Поменять бы позу, но сил переместиться с одной стороны небесной дыры на другую уже не было. Их едва хватало только для того, чтобы не соскользнуть вниз.

Прошло ещё немного времени, и Яан стал своими покрасневшими глазами высматривать песчаные холмы и горы, пролетающие под ним, как вариант того, чтобы спрыгнуть на какой-нибудь из них в надежде при этом уцелеть. Ради Розы. Но судно летело так высоко, что

все холмы казались маленькими, и спасёт ли его песок, Яан не знал. Но держаться он больше не мог.

«Ещё только чуть-чуть. Только увижу холм повыше и прыгну».

Но что он будет делать дальше, Яан об этом думать не хотел. И тем не менее думал. Ни воды, ни еды у него с собой не было. Как и каких-либо навыков о выживании в природе. Быть может, если бы они летели над лесом, то там он бы смог найти себе еду. Орешки или ягоды, или что там ещё растёт в лесах? Но эти мысли ему не помогали. Под ним в небесном люке мелькали лишь песчаные горы и холмы. Всюду один лишь жёлтый песок. И на миг его бока и спина зачесались. Словно он сейчас оказался в своей постели и ворочается из-за острых песчинок.

Яан закрыл глаза и хотел, перед тем как скользнуть вниз, помолиться. Держаться больше он не мог, а надежда на достаточно большой и мягкий песочный холм растаяла в его сердце, как растаял бы кубик льда на палубе. Но молиться он не умел. Ни разу не был ни в одной из церквей.

«Нет. Я никогда не молился и молиться не буду!» – подумал Яан, и маленькая капелька сорвалась с его ресницы и упала прямо в небесную дыру, где растворилась в воздухе задолго до того, как коснулась земли.

– Молодец. И где ты оказался? – насмешливо ответил голос в его голове.

Яан помотал отрицательно головой, сбив с глаз ещё несколько капелек.

Чувствовал, как напряжены его мышцы. Каждая клеточка его тела. А ещё то, что он совершенно был не готов умирать. Ведь тогда Роза останется совершенно одна, и без него ей так и придётся работать в «Алом доме».

А тем временем к лёгкому завыванию ветра добавились чьи-то шаркающие шаги сверху. Но глаза Яан открывать не стал. Боялся, что если откроет, то уже удержаться на корабле сил ему не хватит.

Даже когда кто-то открыл люк сверху, Яан продолжал лежать с закрытыми глазами. И пошевелился Яан только тогда, когда этот кто-то прицепил к его заднице трос и защёлкнул второй карабин у него над ухом.

Боцман слабо ему улыбнулся.

– Привет, – вяло сказал он, когда их усталые глаза встретились. – Ну как ты тут? Держишься?

– Прекрасно, – неожиданно для себя ответил Яан. – Трос даже лишним будет.

– Правда? Тогда я его сниму. Я здорово рискую, знаешь ли.

– Яа-н-н-т! – ляпнул Яан и сухо закашлялся.

Боцман едва нашёл в себе сил хохотнуть и сразу обернулся по обе стороны посмотреть за спину.

– Вот на-ка, попей, – он опустил ему вниз деревянный, хорошо отшлифованный черпак с водой, и, дождавшись, когда Яан его осушил до капли, вытащил, и потом и сам глубоко по пояс наклонился к Яану в яму, и вложил в каждую его руку по большому зелёному яблоку. – Вот тебе ещё. Только не сожри всё за раз. Экономь. До самого утра к тебе больше никто не придёт. Понял?

– Да. Спасибо, Вася. Ты спас мне жизнь. Я уже думал, что больше не выдержу.

Но люк над его головой уже снова был закрыт. И в этот раз до самого утра к нему больше никто не заходил.

Сперва это был снова боцман. Вася так быстро открыл люк, отцепил трос и исчез за закрытым люком, что Яан и глазом не успел моргнуть. А буквально через несколько минут после боцмана Яан снова слышал чьи-то шаги над головой.

В этот раз люк открыл старпом с капитаном собственной персоной.

– Старпом, а вы мне говорите, что никто не выдержит сутки в яме без страховки.

Отчётливо слышал Яан самовлюблённый тон капитана, пока его самого вытаскивали наверх два небохода.

– Повезло. Парень оказался куда крепче, чем кажется. Я предполагал, что с утра яма будет уже пуста.

– Я был готов принять на себя эту ответственность, – пухлые пальцы капитана потянулись к золотой пуговке на животе и стали её лениво натирать. – И нет, мой помощник, вы не правы. Это не говорит о том, что он крепче, чем кажется. Это указывает только на то, что я принял правильное решение. Этот человек далёк от понятия благородного физического труда, – на щеках капитана выступили несимметричные красные пятна. – Ещё на сутки его. Будет ему уроком, и чтоб другим неповадно было.

– Но...

– Это приказ, старпом! НЕ СМЕТЬ МНЕ ПЕРЕЧИТЬ! И я вас предупреждаю в первый и в последний раз. Ещё раз вы посмеете перечить моей воле – я не посмотрю, что вы мой старший помощник. Вы сами отправитесь в яму. Это вам понятно? Я ЗДЕСЬ КАПИТАН!!! И на борту моего корабля будут только одни законы – МОИ, – голова капитана нервно тряслась влево и вправо, а лицо всё покрылось пятнами. – Я ТРЕБУЮ ОТВЕЧАТЬ МНЕ НЕМЕДЛЕННО, КОГДА Я СПРАШИВАЮ.

Старпом вытер белым рукавом своей рубашки своё лицо от брызг слюны капитана и, собрав всю силу воли в кулак, ответил:

– Разумеется. Здесь капитан вы.

– Вы все здесь мои слуги, старпом, и я не потерплю никакого неповиновения.

– Конечно.

– ТОГДА ПОЧЕМУ ЭТОТ НЕБОХОД ВСЁ ЕЩЁ СИДИТ НЕ В ЯМЕ?!

Яан оказался снова в небесной яме быстрее, чем успел подумать о завтраке. И в этот момент, конечно, в это было трудно поверить, но Яан сопереживал и сочувствовал тем, кто остался за люком, больше, чем себе.

Если бы так не хотелось кушать, то был бы даже вполне приличный выходной. Ещё один. Правда, он лежал в углу ямы опять без страховки.

Вздыхнув, Яан помотал головой и снова начал всматриваться в песчаные холмы да равнины...

Сегодня Яан услышал тихое шорканье, как и вчера, только ближе к вечеру. Наверно, снова Вася пришёл, чтобы застраховать его жалкую шкуру, и принёс водицы напиться. И как раз очень вовремя. Если вчера главной проблемой Яана был страх, отчего на удержание себя на борту судна он тратил сил до десяти раз больше, и больше всего ему нужен был страховочный трос, то сегодня Яан на своё заключение в темнице реагировал спокойно. Поэтому и спокойно в расслабленной форме и проводил своё время то на одном боку, то на другом. (Пока остальные небоходики борются с проклятым песком и выслушивают речи благородного капитана.) И упасть он больше не боялся. А вот пить и кушать хотелось до жути как. Последний раз он ел только мерзкую кашу на завтрак. И это было даже не сегодня.

– Привет, страдалец.

– Старпом?

– Старпом, старпом, – с широкой улыбкой посмеялся ему сверху мужчина с печальными серыми глазами. – Давай я тебя подцеплю.

Яан даже и не представлял то, насколько он на самом деле был уже уставшим. Так что, как только карабин страховочного троса щёлкнул у него за спиной, руки и ноги тут же скрутило в страшных судорогах.

– Здесь тебе четыре яблока, – продолжил начальник. – Народ тебе скинул. Так что вот, – он положил яблоки и две хорошо поджаренные куриные ножки около Яана, а также бутыл с водой.

– Спасибо. Но, честно признаться, мне иногда приходят такие мысли, что мне тут даже лучше, чем вам там.

– Ха-ха, и не говори. Ой, и не говори. Наступили тяжёлые времена. Это точно. Но нужно терпеть. Сам знаешь.

– Знаю. К сожалению.

– Ну вот и молодец. С утра я приду отцеплю тебя. Я или боцман. А то, не дай бог, капитан просечёт, что мы тут самовольничаем. Ну всё, развлекайся. Бутылку не выбрасывай, ещё пригодится.

И с этими словами старпом ушёл. Люк над головой Яана снова захлопнулся, и он вновь остался один, наедине со своими тягостными мыслями: о Розе, о своём положении, о капитане, обо всех, кого бы он в своей жизни никогда бы не видел и не заговорил с ними.

А время будто бы вперёд и не двигалось вовсе. Когда по холмам снизу поползли длинные тени, Яан уже проклял нового капитана раз тысячу, а времени до утра было ещё предостаточно.

Ближе к ночи поднялся ветер. Небесный корабль стало кренить то влево, то вправо, а снаружи ветер выл так, что Яану иногда казалось, словно он не на борту летающего корабля, а в клетке посреди леса у логова диких волков. Отчего становилось ему ещё более не по себе. И так всю ночь напролёт. То влево, то вправо, то лютые волки, то ветром забрасывало в его небесную камеру проклятый песок.

Песок был в глазах, в ушах и во рту. Скрипел он на каждом зубе, а отнять руку от переборки и хоть как-то вытащить злосчастную песчинку из глаза Яан не мог. Стоило ему лишь на миг расслабиться, как очередной порыв ветра выкручивал «Небесную Розу», а его самого в его весьма тесной небесной камере начинало мотать из стороны в сторону, как маятник с несинхронным качением.

В небе Яан работал уже достаточно давно, чтобы уже привыкнуть к небесной болезни. Но не сегодня. Сегодня стоило ему лишь раз качнуться на страховочном тросе, как из его нутра выходило наружу всё, что он съел сегодня, вчера и, кажется, что и год назад.

– Боги милосердные, за что мне всё это? Пусть это прекратится, – из его покрасневших глаз слёзы бежали маленьким непрерывным ручейком, а рот, руки по локоть и живот все были запачканы рвотной массой.

Небесная болтанка утихла только к утру. И Яан обнаружил себя полностью свисающим на страховочном тросе в небесной дыре только тогда, когда над ним в очередной раз скрипнули петли люка.

Яан посмотрел обессиленным взглядом вверх в надежде увидеть в нём старпома или боцмана, но в нём не увидел ни того ни другого. Вместо них в люке жадными глазами на него пялился третий помощник капитана. И когда их взгляды пересеклись, крышка люка с грохотом упала, засов за ней шоркнул на своё место, и Яан опять остался один в полном недоумении. Ненадолго.

8

Старпом стоял на палубе и смотрел куда-то вдаль песчаного края. И хотя судно в этот день летело гораздо ниже, чем в прочие дни, так что на земле при желании можно было даже разглядеть какой-либо кактус или скелет давно умершего животного. Его взгляд был пустым и невидящим, полным боли и отчаяния.

– Нет, капитан. Этот страховочный трос никто мне не давал. Я понимаю, как это звучит, но уверяю вас, никто на этом корабле не пошёл бы против вашей воли, – жалобно склонив голову в пол, без стыда и зазрения совести внаглую врал Яан. – Я сам его прицепил. Когда меня вели в яму, я его взял с переборки. Я не знал, что нельзя. Вы команды не давали, чтобы меня кинуть в яму без страховки. Вот я и подумал, что можно. Если бы я знал... Ну вы отдали бы приказ. Я бы, конечно... Извините, капитан, я больше так не буду.

Капитан сидел на своём троне, расположенном на левом крыле мостика под небольшим козырьком из плотной парусины, защищающей его нежную бледную кожу от прямых жгучих лучей солнца. Яан, естественно, стоял перед ним вне зоны комфорта. Как и любой другой член экипажа, кто не желал тут же отправиться в небесную яму.

– Ты что, идиот? – рявкнул Капитан, и это не был вопрос. Его нижняя губа затряслась, а пальцы нервно забегали по золотой пуговке его дорогой куртки. – Я не приказал. Мне что теперь нужно озвучивать каждую мелочь? У вас у самих мозгов, что, совсем нет? Мне теперь за каждого сраного небохода нужно думать? Так, что ли?

– Простите, капитан.

Капитан, глубоко вздохнув, стал с закрытыми глазами массировать виски. Целую минуту на корабле «Небесная Роза» под руководством нового капитана царили покой и тишина. Но только не в сердце небохода третьего ранга, который всем своим нутром чувствовал то, что его сейчас снова запрут в яме. И в этот раз совершенно определённо без страховки и еды.

Однако капитан, не открывая глаз и продолжая массировать свои виски пухлыми пальцами, пренебрежительно изрыгнул что-то вроде: проваливай к работе или продолжай работать.

Яан точно его слов не разобрал, но был определённо точно уверен и рад тому, что в его словах слова «яма» не прозвучало однозначно.

Размышлять, какой работой заняться, Яану было без надобности. По крайней мере, до тех пор, пока они летели над песчаной пустыней. И буквально спрыгнув по трапу с капитанского мостика на палубу, Яан отправился к тому месту, где его и вырвал от работы капитан два дня назад. Только в прошлый раз они летели гораздо выше, и палуба была гораздо чище. Теперь же можно было достать лопатку, ведёрко и формочки в виде различных зверюшек и при наличии воды устроить себе тур в детство. В жизнь беззаботной игры в песочнице.

Ловкими движениями Яан смёл метлой песок в не очень аккуратную кучку, и только эта кучка, а точнее, половина от неё оказалась у него в совке, как чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо. А вместе с ней и душа легла куда-то вглубь его самого.

«Проклятуший Кэп передумал».

– Яан, – сказал спокойным тоном боцман, – иди поешь.

Душа тут же вернулась на своё место.

– Спасибо. Ааа...

– Иди, иди. Всё хорошо. Тебе нужно поесть. Песок никуда не денется.

Яан больше ничего уточнять не стал. Тут же бросил своё пропащее занятие и быстрым шагом отправился напрямиком в надстройку.

После палубы, где ярко светило солнце, внутри надстройки царил мрак. Видны были лишь смутные очертания узких коридоров. Однако Яану этот краткосрочный неприятный факт никак не мешал двигаться быстро и свободно. Куда-куда, а на камбуз он, как и любой другой из членов экипажа, мог запросто добраться даже с закрытыми глазами в любое неудобное время суток.

На камбузе, как всегда, пахло неаппетитно, но при запахе еды в животе Яана заурчал голодный зверь, да так, что в голове тут же закружились вертолёты.

Каша с завтрака была совершенно холодной и слиплась одним большим комком. Однако на вкус была вкуснее, чем обычно.

«Наверно, просто голодный», – подумал Яан.

И так оно и было. Чем больше Яан ел, тем, казалось, голоднее он становился.

«Хоть один плюс от небесной ямы. После неё и стряпня повара кажется съедобной».

Тут и сам повар вылез в столовую на шум чавканья и стука ложкой о деревянную миску. Такой шуплый, слегка сутулый мужичок в грязном, заляпанном пятнами фартуке с редкими гнилыми зубами. На него посмотришь, и сомнений не возникнет, сразу будет ясно: хороший повар или нет и что тебя ждёт при длительном питании его стряпнёй.

Голод Яна куда-то улетучился, а на его место подступило чувство тяжести и тошноты.

– А я-то думаю, кто там жрёт. А это ты.

– Это я, – отозвался Ян. Повозюкал остатки каши на дне миски и отпихнул её от себя на середину стола.

– Вкусно?

– Вкусно так, словно ты взял и впихал в себя геркулес, проталкивая его в глотку коло-тушкой. Сверху залил молоком, а затем всё это месиво выблевал в кастрюлю. Добавил немного сахара, размешал и подал на стол.

Ян аж сам обалдел от своей резкости, для него совершенно не характерной, и, судя по выражению на лице повара, тот стоял в недоумении ничуть не меньше, чем сам Ян. Но Ян ничуть не жалел и отказываться от своих слов не собирался. Готовил повар действительно отвратно и входил в самый топ ужаснейших поваров компании. Одно было неизвестно: почему его не увольняли и он из года в год продолжал травить небесный люд своей стряпнёй.

– Да ты что, охренел? Ну я тебе ещё устрою! – и с этими словами «топовый» повар выско-чил из столовой, как из горящей избы.

«Ну пипец. Прилетели», – горестно Ян покачал головой, и сам встал из-за стола, и пошёл в курилку. Куда как раз сейчас и должен был начать стекаться весь народ на небольшой пере-курчик.

По пути в курилку Ян никого не встретил. И на капитанском мостике скучающе стоял у штурвала один лишь второй помощник. А на носу под полубаком с левого борта и распола-галась курилка, откуда уже были слышны громкие споры и смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.